

— Измена... это моя вина, — вздохнул Да Юн, но, напротив, успокоился и начал оправдываться. — Но у нас и так проблем хватает, я давно устал. Всё остальное можно было бы уладить, но она постоянно переводит деньги вашей семье. Ты же знаешь, как старший брат, мужчины должны содержать семью. Но девушка, которая вышла замуж, — это как вода, вылитая из кувшина. Кто копаются в семье мужа, чтобы помочь своей родне? Когда мы женились на вашей Нин Шань, мы знали, что ваша семья бедная, и терпели. Но посмотри, сколько проблем в вашей семье за этот год?

Закончив, он усмехнулся, и его голос стал крайне презрительным. Лу Хэнин не успел отреагировать, как на том конце провода раздался щелчок — Да Юн повесил трубку.

Лу Хэнин никогда не был мастером словесных баталий, и его голова была полна аргументов, но в нужный момент он не смог ничего сказать. От злости его лицо побелело. Люди вокруг проходили мимо, некоторые бросали на него любопытные взгляды, но затем молча уходили. Лу Хэнин знал, что встреча ещё не закончилась, и ему нужно было вернуться, но ноги словно приросли к полу.

В этот момент кто-то легонько похлопал его по плечу. Лу Хэнин очнулся и обернулся — перед ним стояла строгая женщина, протягивая ему кофе. Она улыбнулась:

— Молоко закончилось, сахар нужен?

Лу Хэнин машинально покачал головой, а затем вспомнил, что нужно поблагодарить:

— Спасибо, Лянь Цин.

Лянь Цин улыбнулась и, не говоря ни слова, быстро разорвала пакетик с сахаром и взяла сливки.

В комнате отдыха остались только они двое. Лу Хэнин молча отпил кофе, но не почувствовал его вкуса. Его мысли были заняты Нин Шань. Он думал о том, как они тогда ошиблись, позволив сестре попасть в эту волчью стаю. Потом он размышлял о том, что она сама думает, хочет ли развестись, и как продолжать жить, если развода не будет...

Лянь Цин прервала его мысли, напомнив, что встреча скоро начнётся. Они пошли в зал заседаний, и по пути Лянь Цин вдруг спросила:

— Твой зять изменял?

Лу Хэнин понял, что разговаривал по телефону, не скрываясь, и немного смутился, опустив голову.

Лянь Цин, однако, не придавала этому значения:

— Если изменял — разводишься, о чём тут думать. Но это всё же зависит от твоей сестры. В таких ситуациях женщина должна быть сильной, это самое главное.

Она подняла бровь и вдруг спросила:

— Ты записывал разговор?

Они уже подошли к двери зала заседаний, и Лянь Цин вошла внутрь. Лу Хэнин остался в растерянности и до самого обеда не мог понять, что она имела в виду.

После обеда Нин Шань позвонила и сказала, что уже вернулась домой, чтобы Лу Хэнин не волновался.

Но Лу Хэнин вспомнил слова Лянь Цин и не удержался:

— А что ты думаешь насчёт развода?

Нин Шань ответила:

— Ничего особенного, разводимся. Ты ведь не будешь, как мама, уговаривать меня остаться?

Лу Хэнин помолчал, а затем сказал:

— Я тоже думаю, что лучше развестись, чем продолжать жить в таком стрессе.

Он задумался и вздохнул:

— Но мама права, если ты разведёшься, возникнет много вопросов. Например, будешь ли ты требовать опеку над ребёнком? Если ребёнок останется с тобой, расходы на жильё и еду возрастут. С ребёнком на руках, какую работу ты сможешь найти? А если захочешь снова выйти замуж, это тоже нужно будет учитывать...

Лу Хэнин в коридоре изложил все свои опасения. Закончив, он вдруг вспомнил где-то услышанную фразу: жизнь — это не только поэзия и мечты, но и чай, рис, масло, соль... И те, кто может легко порвать с прошлым, вызывают зависть, потому что обычные люди, даже если хотят быстро распрощаться с прошлым, будут спотыкаться о бутылки с маслом и путаться в пелёнках, постоянно сомневаясь.

Нин Шань не могла оставить ребёнка, но если она его заберёт, её жизнь с таким положением семьи будет очень трудной. Кроме того, он не знал, какую позицию займёт Да Юн. Если тот тоже захочет ребёнка, борьба за опеку станет настоящей войной.

— Ребёнка я точно заберу, — голос Нин Шань звучал устало, но её тон был твёрдым. — Я думаю, мама поможет мне с ним, а я поскорее найду работу, чтобы содержать семью. Что касается Да Юна...

Она замолчала, а затем добавила:

— Если он согласится на развод без проблем, то пусть будет так, и все прошлые ошибки забудем. Но если он настаивает...

— ...На возврате денег? — спросил Лу Хэнин. — В общей сложности это не так уж много. Если дело дойдёт до этого, отдадим ему, будто подаём нищему.

— Лучше бы я нищему подала, — холодно усмехнулась Нин Шань. — Если он настаивает на деньгах, я с ним посчитаю. Во-первых, с тех пор как я вышла замуж в эту семью, я всё делала сама — готовила, мыла посуду, стирала, ходила за покупками, убирала. Даже когда я была на седьмом месяце беременности, его мать ни разу мне не помогла. Ребёнка я родила, и сама же его воспитываю... Он говорит, что не хочет работать, а мне, значит, нравится делать всю работу по дому? Если уж считать, то давайте считать всё. Если нет больше супружеских чувств, значит, я для него просто домработница, и мне должны платить.

Нин Шань замолчала, проглотив последнюю фразу. Она подумала, что если уж считать всё, то

и деньги за интимные отношения тоже можно было бы посчитать, но это она уже не стала говорить своему брату.

— Кроме того, по закону имущество, нажитое в браке, является общей собственностью. Если он хочет разделить наше и их, то давайте считать и те копейки, которые я переводила маме, и те вещи, которые покупала его матери, золотые украшения, и всё, что они ели и пили. К тому же он изменял, и это доказано. В случае раздела имущества он не получит и половины. А если я пойду дальше, то он прекрасно знает, как я забеременела до свадьбы. Могу обвинить его в изнасиловании, и тогда посмотрим, сколько останется от его дома и сбережений. Пусть плачет с матерью!

Её слова звучали всё более яростно, и сквозь телефонную линию Лу Хэнин чувствовал её ненависть.

Он вспотел и невольно воскликнул:

— Шань Шань...

Нин Шань замолчала, а затем тихо сказала:

— Да?

Лу Хэнин открыл рот, чтобы что-то сказать, но Нин Шань вдруг вздохнула:

— Брат, знаешь, почему у нас всегда всё плохо?

Она помолчала и тихо добавила:

— Потому что у нас высокие амбиции, но судьба слабая. У нас мало способностей, но слишком мягкий характер... Вот и получается, что нас все обижают...

Лу Хэнин повесил трубку, чувствуя, что его сестра всё же отличается от него. Но он также понимал, что, оказавшись на её месте, вряд ли бы проявил такую же решительность. Он вспомнил женщин вокруг себя — и Нин Шань, и Лянь Цин — все они обладали невероятной силой духа. Мысль о странном замечании Лянь Цин снова возникла в его голове, и на этот раз он понял, что она имела в виду. Лянь Цин хотела, чтобы он записал разговор с Да Юном, где тот признался в измене.

В случае развода из-за измены всегда нужны доказательства.

Лу Хэнин поспешно взял телефон. Раньше, когда он звонил в коллекторские агентства, он специально настроил запись разговоров, чтобы те не могли отказаться от своих слов после получения денег. Но не был уверен, работает ли эта функция до сих пор.

Он быстро открыл записи и нашёл последний файл. Это действительно был разговор с Нин Шань. Он прокрутил вниз и осторожно нажал на следующий файл. Голос Да Юна раздался из динамика.

Во второй половине дня Лу Хэнин скопировал запись на свою почту. Он не знал, насколько это будет полезно, но решил сделать резервную копию. В телефоне была функция автоматического удаления старых записей при заполнении памяти, поэтому он прослушал все файлы и удалил ненужные.

[Примечание автора: Все имена собственные и термины переведены в соответствии с контекстом. Диалоги приведены к единому формату с использованием длинного тире. В тексте сохранены все авторские ремарки и описания эмоций персонажей.]

<http://bllate.org/book/16320/1472939>